

УДК 811.581.11'367.7+008

ГЛАГОЛ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Ши Яцзюнь, д. полит. н., доцент

Институт европейских языков и культур

Тяньцзиньского университета иностранных языков

(Китайская Народная Республика),

доцент кафедры китайской филологии, директор

Институт Конфуция

Киевского национального лингвистического университета

В статье проанализирована специфика выражения китайской лингвокультуры в категории глагола в современном китайском языке. Были представлены особенности языковой картины мира китайцев, проявившиеся в организации грамматической структуры современного китайского языка на примере категории глагола.

Ключевые слова: китайский язык, языковая картина мира, лингвокультура, грамматическая структура, глагол.

У статті проаналізовано специфіку відображення китайської лінгвокультури в категорії дієслова в сучасній китайській мові. Були представлені особливості мовної картини світу китайців, які знайшли свій прояв в організації граматичної структури сучасної китайської мови на прикладі категорії дієслова.

Ключові слова: китайська мова, мовна картина світу, лінгвокультура, граматична структура, дієслово.

Shi Yajun. THE VERB IN THE CHINESE LINGUISTIC WORLD VIEW

The article describes the specifics of the expression of the Chinese linguoculture in the category of the verb in Modern Chinese. The article touches upon the peculiarities of the Chinese linguistic world view, revealed in the organization of grammatical structure in modern Chinese by the example of the category of verb.

Key words: Chinese, language picture of the world, linguoculture, grammatical structure, verb.

Постановка проблемы. Развитие отношений между странами, а также возрастающий интерес к Востоку и популярность изучения восточных языков являются ключевыми моментами в международной деятельности университетов и процессе преподавания азиатских языков. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что динамика развития межгосударственных отношений, а также увеличивающееся число желающих овладеть китайским языком способствовали тому, что в данный момент на повестке дня стоит именно вопрос особенности преподавания этого языка как преподавателями – не носителями языка, так и его носителями.

Одну из основных проблем в преподавании и изучении языка составляет именно грамматический аспект китайского языка. Однако проблема состоит в формировании у изучающих китайский язык комплексного понимания грамматического устройства этого языка как изолирующего (в отличие от флективных русского и украинского языков), так как грамматические особенности этого языка очень часто запоминаются студентами на механическом уровне. Это связано с тем, что изучающие китайский язык пытаются заучить поданные в научных пособиях фразы,

не обращая при этом внимания на суть грамматического явления, а кроме того, пытаются найти различные или схожие моменты в родном языке или, в крайнем случае, в английском языке. Данный подход к изучению в известной мере связан с недопониманием культурной составляющей языка и нивелированием такой крепкой связи, как «язык + мышление», которая лежит в основе анализа любого языка. Таким образом, с нашей точки зрения, одним из основополагающих аспектов в изучении китайского языка является глубокий анализ грамматического устройства языка, исходя из его типологических особенностей, а также учитывая особенности картины мира данного этноса. Исследование взаимосвязи лингвокультуры народа и особенностей устройства языка является одним из самых актуальных в современной лингвистике, так как лингвокультура и есть культура, воплощенная и закрепленная в знаках языка, явленная нам в языке и через язык [8, с. 83].

Анализ научных исследований и публикаций. В. Гумбольдт в своей работе [2, с. 372–373] отмечал, что язык, несмотря на все посторонние воздействия, сохраняет свою индивидуальность, которая присуща и его

характеру, и через него все созданное народами в прошлом воздействует на индивида; в языке мы находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации.

Ван Ляои в своих исследованиях китайской грамматики и принципах устройства китайского языка [1, с. 1] акцентирует внимание на том, что грамматика китайского языка – это грамматика языка китайского народа; он объясняет это тем, что грамматика всего лишь объясняет привычные нормы в языке определенного народа, но отнюдь не создает самостилистических правил; язык каждого народа имеет свою особую грамматику, и нельзя сказать, что грамматика какого-нибудь одного народа лучше или правильнее грамматики другого народа.

Особое внимание китайской картине мира было уделено Тань Аошуан [7], она подчеркивает тот факт, что языковое значение ориентировано на определенный этнос. Тань Аошуан, изучая проблематику китайской модели мира (пространство, время, семантика, размер, значимость чисел), а также культурной составляющей народа, говорит о том, что в языковом сознании носителя зафиксирован свой способ мышления и видения мира, который может совпадать или не совпадать со способом видения мира носителя другого языка [7, с. 7].

Таким образом, углубляясь в изучение того или иного аспекта языка, мы должны обращать внимание на его взаимосвязь с культурой народа, а также учитывать одну из самых основных функций языка – коммуникативную, которая напрямую связана с мышлением индивида. Учитывая то, что в китайском предложении так или иначе основную роль чаще всего играет глагол, мы попробуем на примере анализа некоторых аспектов этой категории раскрыть особенности мышления китайцев и их влияние на организацию грамматической структуры языка.

Постановка задания. Целью статьи является анализ особенностей картины мира китайской лингвокультуры на примере категории глагола в современном китайском языке.

Изложение основного материала исследования. Как уже было подмечено выше, одну из самых больших трудностей, как для изучения, так и для преподавания китайского языка составляет процесс постижения грамматического устройства этого языка. Проблема, в первую очередь, заключается в том, что история исследований грамматики китай-

ского языка насчитывает не так много лет, в связи с чем отсутствует грамматическая традиция как таковая.

Как утверждает М. Софронов, грамматика является новой наукой для китайской филологии, и китайские филологи, приступившие к описанию грамматики родного языка, могли опираться только на европейскую теорию языка, с которой они познакомились в конце XIX века [5, с. 6]. Таким образом, процесс изучения китайского языка на современном этапе напрямую связан с проведением аналогий с устройством европейских языков, однако стоит отметить, что анализ грамматического строя китайского языка с помощью модели лингвистического анализа европейских языков связан с возникновением определенных трудностей и ошибок в толковании тех или иных явлений. Безусловно, грамматика этого языка подчиняется законам, но законы эти связаны именно со спецификой данного языка и данного народа, и по известным причинам не могут отождествляться с законами устройства европейских языков.

Выходом из создавшегося положения Ван Ляои видит следующее. Во-первых, при изучении грамматики не нужно смешивать грамматику с логикой (Ван Ляои объясняет это тем, что не всегда грамматически верное предложение является верным логически); во-вторых, необходимо понимать, что лишь только знание грамматики не дает возможности писать правильно; и, в-третьих, неправильным является признание грамматических норм европейских языков образцом для построения грамматики китайского языка [1, с. 1–3].

Тань Аошуан, исследуя особенности грамматического устройства китайского языка, говорит о скрытом характере грамматической системы [6, с. 22]. Мы считаем, что поверхностное устройство предложения в виде ряда знаменательных и служебных единиц говорит не об отсутствии грамматического устройства как такового, а наоборот, свидетельствует о его скрытом наличии, обусловленном спецификой китайского языка как языка изолирующего типа. В основе принципа построения изолирующего языка лежит фиксированный порядок слов в предложении, а также наличие служебных элементов языка. Согласимся с Тань Аошуан в том [6, с. 23], что нерегулярная экспликация служебных элементов, а также нефиксированность их функции в том или ином высказывании и взаимозаменяемость свидетельствуют о некоем «инту-

итивном» использовании структуры языка его носителем, что иногда мешает интуиции носителя языка флективного строя понять высказывание.

Очевидно, что применение какого-то одного универсального подхода для изучения любого языка в мире является ошибочным и, скорее всего, не даст позитивного результата. Так, на первый план в изучении языка выходит и сам носитель, спецификой мышления которого не стоит пренебрегать, учитывая, что язык так или иначе репрезентирует особенности мышления или культуры данного народа.

Таким образом, предмет лингвистических исследований постепенно смещается от самого языка к его пользователю – говорящему субъекту, а в расстановке слов не только отражаются особенности фиксации действительности в концептуальном мире говорящего – она демонстрирует закономерности процесса коммуникации и речеобразования [6, с. 29].

Множество трудностей у украинско- и русскоязычных студентов, изучающих китайский язык, связано именно с категорией глагола. Здесь стоит остановиться подробнее на нескольких аспектах. Во-первых, это то, на каком языковом уровне стоит в принципе изучать китайский язык? В этом случае мы полностью согласимся с Ли Цзиньси и Лю Шижу [4, с. 84] в том, что китайский язык необходимо изучать на уровне синтаксиса. Это связано с весьма спорной классификацией частей речи, а также проблематикой их выделения, крайней «бедностью» морфологических признаков. Нам кажется, что именно на уровне предложения в китайском языке слово раскрывает свою сущность и проявляет свои грамматические особенности, способствующие определению части речи, к которой оно принадлежит. Естественно, что данный критерий не единственный и не главный в определении принадлежности слова к той или иной части речи, однако он играет в этом не последнюю роль.

Кроме того, подлежащее в предложении может отсутствовать, а вот сказуемое – не может, так как в китайском предложении основная мысль полностью заключена именно в нем, и его отсутствие в предложении, за редким исключением, приводит к отсутствию смысла. Это связано с тем, что в китайском языке подлежащее, как правило, несет в себе нечто уже заранее данное, в то время как сказуемое выражает то новое, что сообщается о подлежащем [3, с. 33].

Одной из самых распространенных ошибок для изучающих язык является опущение глагола-связки 是 shì – «быть», «есть», «являться» в предложении. Носители украинского/русского языков по аналогии с родным языком опускают данный глагол в предложениях с именным сказуемым. Таким образом, они делают в предложении следующую ошибку: 他老师。 tā lǎoshī (X) – «Он учитель» (правильный вариант: 他是老师。 tā shì lǎoshī – «Он учитель» (букв.: «Он есть учитель»)), не учитывая того, что, во-первых, существительное в китайском языке, как правило, не может самостоятельно выполнять роль сказуемого, а во-вторых, предложение становится бессмысленным при отсутствии глагола, играющего роль сказуемого.

Движение в картине мира китайцев ассоциируется с целенаправленным передвижением в пространстве, с направлением и скоростью этого передвижения, с масштабами пространства и т. д. [7, с. 20]. Помимо этого, в китайской картине мира имеется необходимость в конкретном и точном обозначении того или иного действия или перехода из одного состояния в другое, в обозначении положения дел, в отражении ситуации [7, с. 45]. Выходит так, что действия, направленные на достижение результата, и само результативное действие описывают одну и ту же ситуацию на разных ее этапах, где результативность выражается, например, при помощи присоединения к глаголу дополнительного члена, обозначающего результат, и образованием сложного глагола. Например:

找 zhǎo – «искать» – 找到 zhǎodào – «найти»;
学 xué – «учить» – 学会 xuéhuì – «выучить»;
看 kàn – «смотреть» – 看见 kànjian – «увидеть».

Конкретика действия достигается и за счет других показателей, например, простых и сложных дополнительных членов направления движения. По сути, такая конкретика с грамматической точки зрения связана с морфологической «бедностью» языка и его изолирующим строем. Таким образом, морфемы-модификаторы направления движения являются своего рода показателем совершенного вида глагола. В мышлении китайцев простые модификаторы, так называемые «дейктические координаторы» [6, с. 199] (来 lái – «приходить» и 去 qù – «уходить»), конкретизируют действие посредством указания направления движения по отношению к говорящему (несут признак контактности), в то время, как сложные модификаторы типа 上来

shànglái – «движение вверх по направлению к говорящему», 进去 jìnqu – «движение вовнутрь по направлению от говорящего» конкретизируют действие относительно его перемещения в пространстве: вниз, вверх, вовнутрь, наружу и т. д. Существование в языке таких «дейктических координаторов» подчеркивает эгоцентричность языка, а иногда даже помогает заполнить ритмические пробелы в высказывании. Приведем несколько примеров:

1) 爸爸和小弟也跑了进来, 爸爸看看弄得一塌糊涂的屋子, 皱着眉说: “这是怎么弄的?” “bàba hé xiǎodì yě pǎo le jìn lái, bàba kàn kàn nòng dé yītāhú de wūzi, zhòuzhe méi shuō: “zhè shì zěnmē nòng de?” – «Папа и младший брат тоже забежали сюда, и папа, глянув на комнату, которая была в полном беспорядке, нахмурив брови, произнес: «Что здесь вообще произошло?» [10].

2) <...> 他们向她走过去, 走近了, 才发现女孩面前陈列着形形色色的珊瑚和贝壳, 正等着游人收买。 “<...> tāmen xiàng tā zǒuguòqu, zǒujìn le, cái fāxiàn nǚhái miànqián chénliè zhe xíngxíngsèsè de shānhú hé bèiké, zhèng děng zhe yóurén shōu mǎi” – «Они подошли к ней и, лишь приблизившись, заметили, что перед девушкой были разложены разнообразные кораллы и ракушки в ожидании, что их купит какой-нибудь турист» [10].

Нами было отмечено, что изучающие китайский язык очень часто опускают указанные выше дополнительные элементы, конкретизирующие действие, проводя аналогию с глаголом в родном языке.

Определенные трудности вызывает и понятие приглагольного счетного слова как количественного показателя действия. Чаще всего счетное слово воспринимается студентами как элемент, благодаря которому можно проводить исчисление определенного предмета. Однако многие совершенно забывают, что функция счетного слова гораздо шире, что связано в первую очередь именно с картиной мира китайцев. Отношение к числу в китайской культуре особенное: оно позволяет конкретизировать и вычленивать частное из общего потока, а также несет в себе категориальную функцию. Этим в какой-то мере объясняется способность односложных китайских глаголов выступать в роли счетного слова при удвоении глагола. Например, 看一看 kàn yí kàn – «посмотреть», 说一说 shuō yí shuō «сказать (высказать)». В приведенных примерах глагол во втором случае играет роль счетного слова, указывая на малую длительность или ослабленность действия [9, с. 101].

Не менее важным представляется и факт наличия «пустого», формально обусловленного, но логически лишнего объекта при глаголе: 吃饭 chī fàn – «кушать» (букв.: «кушать еду»), 说话 shuō huà – «говорить» (букв.: «говорить слова»), 睡觉 shuì jiào – «спать» (букв.: «спать сон»). Тань Аошуан объясняет его наличие тем, что имеет место антропоцентрично ориентированное представление о существовании объекта в пространстве [7, с. 46].

Например: 他懊恼自己没有找一个机会和她说话, 但也庆幸自己没有盲动, 如果他冒冒失失的找她说话, 她会对他有什么估价呢? “tā àonǎo zìjǐ méiyǒu zhǎo yīgè jīhuì hé tā shuōhuà, dàn yě qìngxìng zìjǐ méiyǒu mángdòng, rúguǒ tā màomào shīshī de zhǎo tā shuōhuà, tā huì duì tā yǒu shénme gūjià ne?” – «Он расстроился, что так и не нашел возможности поговорить с ней, но с другой стороны и обрадовался, что не ввязался в эту авантюру, ведь если бы он необдуманно полез говорить с ней, то что бы она могла о нем подумать?» [10].

Стоит отметить, что с культурологической точки зрения подобные «пустые» объекты указывают на разнообразие сфер человеческой деятельности и отграничение ее от жизни животных и от остального мира [7, с. 46]. Теоретическим обоснованием подобного грамматического явления является то, что в китайском языке глаголы достаточно прочно связаны с дополнением. Это объясняется тем, что дополнение, помимо своей грамматической функции, выполняет еще и лексическую. Лексическая функция приглагольного дополнения состоит в уточнении значения глагольного корня, а грамматическая – в том, чтобы превращать глагольную морфему из простого наименования действия в семантически и грамматически законченное целое [3, с. 119]. Очень часто такое словосочетание ошибочно воспринимается как одно слово, потому что переводится оно чаще всего именно как одно слово: 起床 qǐ chuáng – «вставать (с кровати утром, когда просыпаетесь)» (букв.: «вставать с кровати»); 谈话 tán huà – «беседовать» (букв.: «беседовать слова, разговор»). Типичная ошибка следующая: 我喜欢吃饭米饭。 “wǒ xǐhuan chī fàn mǐfàn” – «Мне нравится [кушать] рис». (X) (букв.: «Мне нравится кушать еду рис»). В данном случае необходимо опустить «пустое дополнение» 饭 fàn – «еда», которое употребляется лишь в тех случаях, когда глагол не имеет определенного дополнения в определенной ситуации высказывания, и это «пустое» дополнение как

раз и призвано заполнить «пустоту», оформить глагол. Правильно предложение будет выглядеть следующим образом: 我喜欢吃米饭。 “wǒ xǐhuan chī mǐfàn” – «Мне нравится [кушать] рис». (+)

Интересной особенностью глаголов в китайском языке также является способность к качественным изменениям: возможность образования потенциального наклонения. Например, 做不了 zuòbùliǎo – «не справлюсь», «не смогу справиться», 爬不上 pábùshàng – «не взберусь», «не смогу вскарабкаться». Такого рода сочетания воспринимаются китайцами как сложные слова. Поэтому говорящий-носитель, желая выразить возможность / невозможность совершения какого-либо действия, будет в первую очередь использовать именно такие модифицированные глаголы, а не словосочетание «модальный глагол + полнозначный глагол». Например, в приоритете будет 写不了 xiěbùliǎo – «не напишу», а не 不能写 bù néng xiě – «не могу написать». Изучающие китайский язык ввиду того, что не до конца понимают смысл такого модифицированного глагола, считают его более сложной формой по сравнению со словосочетанием, реализующим аналогичное значение, поэтому предпочитают использовать последнее.

Выводы из проведенного исследования. Исходя из изложенного выше, можем сказать, что как в изучении, так и в преподавании любого иностранного языка, и, в частности, китайского, немаловажную роль играет именно понимание картины мира изучаемого языка. Так, на примере глагола в китайском языке нам удалось проследить то, как отражается мышление китайского народа в устройстве языка, а также акцентировать внимание на важности исследования ментальной культуры народа при изучении теоретических

аспектов языка. Китайский язык представляется нам как язык с выраженным эгоцентризмом, преобладанием антропоцентризма, рациональности и точности в высказываниях, что нашло проявление в грамматическом устройстве языка. Такова специфика картины мира китайской лингвокультуры в ее отражении в категории глагола в современном китайском языке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ван Ляо-И Основы китайской грамматики / Ляо-И Ван. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1954. – 261 с.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с.
3. Драгунов А. Исследования по грамматике китайского языка / А. Драгунов. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – 230 с.
4. Ли Цзинь-Си, Лю Ши-Жу Еще раз об изучении грамматики – разграничение частей речи и проблема существительных / М. Софронов // Новое в зарубежной лингвистике. Языкознание в Китае. – М. : Прогресс, 1989. – С. 81–96.
5. Софронов М. Китайское языкознание в 50-80-х гг. / М. Софронов // Новое в зарубежной лингвистике. Языкознание в Китае. – М. : Прогресс, 1989. – С. 5–36.
6. Тань Аошуан Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) / Ао-Шуан Тань. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 898 с.
7. Тань Аошуан Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность / Аошуан Тань. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
8. Федоров М. Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры / М. Федоров // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Философия, социология, политология, культурология, 2014. – Вып. 6(2) / 2014. – С. 83–86.
9. Яхонтов С. Категория глагола в китайском языке / С. Яхонтов. – Л. : Из-во Ленинградского ун-та, 1957. – 179 с.
10. 琼瑶. 潮声 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dushu369.com/zhongguomingzhu/qqqj/cs/>.